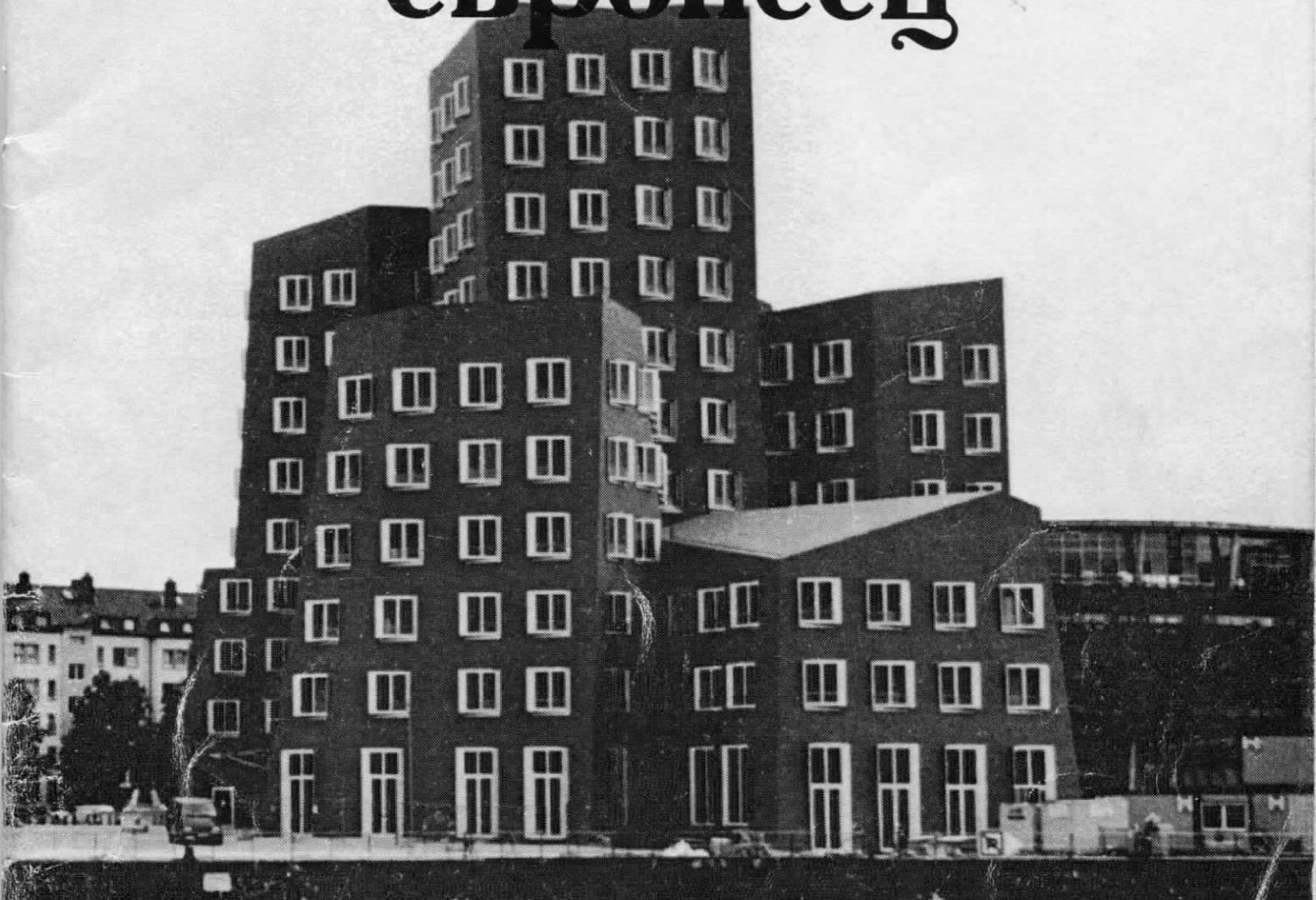

Литературный европеец

21
1999

Литературный европеец
Der literarische Europäer

Ежемесячный журнал Союза
русских писателей в Германии

Выходит с апреля 1998

Проза * Пoesия * Публицистика *
История * Европейские прогулки *
Документы * Воспоминания * Юмор
* Искусство * Дайджест * Рецензии
* Мы и литература * Архив * Что мы
пишем * Страница редактора *

Monatliche Zeitschrift Verbandes
russischer Schriftsteller in Deutschland

Издатель — Союз русских
писателей в Германии

Редактор — Владимир Батшев
Верстка — Юрий Школьников
Художник — Юрий Диценко

Herausgeber — Verband russischer
Schriftsteller in Deutschland
Redakteur — Vladimir Batshev
tel/fax 069-3087184
Layout — Iouri Chkolnikov
Grafiker — Yuri Didenko

Adresse — Postfach 800833
65929 Frankfurt am Main

Konto 652482 BLZ 50050201
Frankfurter Sparkasse

ISSN 1437-045-X

Отпечатано — City Print,
Außere Laufergasse 19,
90403 Nürnberg

Корреспонденты
«Литературного Европейца»

в США

Мирон Рейдель
Tel. 201-8338839

Виктор Фет

fax 304-6963243
e-mail: fet@marshall.edu

в Восточной Европе

Леонид Ицелев
tel. 004202-572-10307

в Дании

Владимир Сизко
Факс.: +45 28121621
e-mail: dirtrad@det2net.dk

в Чехии

Сергей Левицкий
tel/fax 4202-6518828
e-mail: levick@praha.czcom.cz

в Австрии

Наталья Стремитина
tel. 43-19143903

Россия

Владимир Капианидзе
тел. 095-318 10 46

Украина

Олег Приходько
тел. 044-534 60 78

№ 21 Ноябрь 1999

Содержание

Проза

- Борис Рохлин. Мадригал предстоит. Рассказ 3
Игорь Гергенредер. Из цикла «Сентиментальные мотивы». 15

Поэзия

- Сергей Дель 11
Юрий Финн 13

Пресса о нас

- «Знамя» (Москва) 17

Литературный календарь

- Ноябрь 18

Мы и литература

- Мирон Рейдель. Смертоносная лава 23
Светлана Майнаева. Мишенка 27
Михаил Зараев. Самый веселый барак 32
Жанна Пфистерер. Надо меньше пить 35

Рецензии

- Виктор Фет. Гоголь: ураган на юго-западе штата Миссури 38
Виталий Скуратовский. Страсти по Гергенрёдеру 40
Серафима Бронштейн. Певец совокупления
или пророк в отечестве? 41
Берта Фраш. Читая Гаардера 42

История

- Владимир Брюханов. Лабиринты русской революции.
Витте готовит забастовку 43

Дайджест

- Обанкротившаяся страна. Бывший первый вице-премьер
Альфред Кох о России и русских. 48

Страница редактора

- Владимир Батшев. После 51-й франкфуртской книжной
ярмарки 51

На первой и четвертой страницах обложки — Дюссельдорф. Фото
С.Деля

© Литературный европеец

Произведения членов Союза русских писателей в Германии
и подписчиков журнала печатаются в журнале «Литературный
Европеец» в первую очередь.

Но это не означает, что наши страницы закрыты для других
авторов — совсем нет!

Виктор Дом

Гоголь: ураган на юго-западе штата Миссouri

(отрывки из письма
к русско-американскому другу)

«Мой дорогой Тропичкинд!

... вот ты убеждал меня, что русская культурная жизнь сосредоточена главным образом вокруг счастливого города Сан-Франциско; тут я хочу тебе кое в чем возразить. И здесь, в провинции, где нас отделяют от Монтерейского залива дни пути (автомобилем ли, автобусом ли междугородной компании «Борзая собака»), и здесь есть у нас кое-какая культурная жизнь (в основном, конечно, ее дают по телевизору...)

... так что представь мое удивление и радость, когда узнал я, что Вениамин Смехов ставит классику русской комедии, гоголевского «Ревизора», в Соединенных Штатах нынешней осенью. «Ага, — сказал я, и развернул карту Среднего Запада, из тех, что высыпает автомобильный клуб, и снова сказал, — ага, определенно, конечно же. «Коль скоро количество живой, так сказать, культуры, нам достающееся, выражается в часах пути, то мы и ценим ее намного более, нежели декадентные жители Северно-Голливудского бульвара и прилежащей пригородной зоны. Ну, что ж, проверить масло в машине, наполнить переметные сумы, и... какой же русскоязычный не любит быстрой автомобильной езды?..

... тринацать часов пути, и мы приближаемся к цели, в самом конце сентября. Средний Запад окружил нас полями кукурузы, «самые лучшие лошади» летят с максимально дозволенной скоростью 70 миль (115 км) в час, мимо лавок, торгующих всяким ностальгическим бараклом, ближе и ближе к городу Спрингфилд, штат Миссouri (и, наконец, оказываясь в нем). Это

очевидно) середине Богом забытого пространства (мы же, естественно, приехали из Хантингтона, штат Западная Виргиния, что находится под теми же зачарованными широтами, Где-то между божественной Атлантикой и торжественной Пацифией).

... но мы не ошиблись. Это был тот самый город. То самое место, куда ветры степей (здесь из называют ветры прерий; из соседнего Канзаса унесли они когда-то в детстве девочку с черною собачкой) забросили Ивана Александровича Хлестакова (актер Чад Рейнхарт), молодого чиновника из Санкт-Петербурга (для местных поясняю: того, что в России, а не во Флориде, и не в 1990-х годах, а в 1830-х).

... и вот тебе мои сумбурные, весьма субъективные заметки. Я должен тебе признаться, дорогой Тропичкинд, что мне не довелось ни разу видеть «Ревизора» на сцене в России. Ну и, конечно, я не ожидал увидеть его в Середине Американского континента — но увиденное меня ПОРАЗИЛО... Что сказать — и другие чудеса случались с российскими выходцами в этой части света, которая, надо признать, всегда была к нам добра; ты помнишь, конечно, Набокова, нашедшего всех своих бабочек в Скалистых горах; Солженицына, проведшего годы изгнания в Вермонте; поэта Бродского; танцовщика Барышникова; ну и злополучного Зворыкина, что изобрел эту оглушающую машинку под названием телевизор? (последнее, пожалуй, трудно назвать УСПЕХОМ).

... тебе, без сомнения, знаком сюжет «Ревизора» (нам всем его вбивали в мозги в российской школе). Сюжет

ные заправили ждут своей гибели, затем на мгновение оказываются на вершине счастья, ну а затем, конечно же, их настигает финальный удар. Из этого-то простого сюжета и сделано было настоящее Театральное Представление в Спрингфилде — жаль, что ты его не увидел.

... как ты помнишь, они (по ошибке) принимают ничтожного чиновника, обнаруженного в грязном трактире, за правительственный РЕВИЗОРА, путешествующего ИНКОГНИТО. И не будет теперь им пощады. Это тебе ничего не напоминает?

... постой, не ты ли говорил мне как-то, что современный американский зритель ни за что не сможет понять пьесу Гоголя? Позволь доложить тебе, что ты совершенно ошибался. На самом деле-то именно ЗДЕСЬ, именно этот автор и может быть понят без труда. Не здесь ли в Америке все население (куда и мы с тобой принадлежим) ходит в страхе перед инспекторами налоговой службы — не так ли и население в нашей стране (куда и мы с тобой принадлежали) ходило в страхе перед ПРАВИТЕЛЬСТВОМ? А как насчет безумного страха неудачи; страха, что ты не годен для свой должности (синдром Голого Короля)? Именно эти виды страха играют молодые актеры Юго-западного Миссouriйского Университета — страх, более чем прозорливо запечатленный Гоголем; метафизический страх древних богов и сил природы, знамение которого — две огромные крысы во сне Городничего — те самые, что «пришли и ушли»...

... и не свойственны ли человеку предрассудки? Всего несколько тысяч

от наших же «Лексусов»; и наши встроенные животные инстинкты по-прежнему велят нам заползать и прятаться в нору, когда приближается смерч — или же ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ИНСПЕКТОР. Все эволюционные адаптации (тут я не премину выступить в своей истинной роли преподавателя биологии;

... ты же, душа моя, можешь сколько угодно отпускать свои шуточки по моему адресу, вдалбливая невероятные русские падежи — кому? кому? о ком? — в невинные студенческие души на своей кафедре славянских языков под сенью пальм Калифорнии) — все наши эволюционные приспособления велят нам: (а) определить опасность, и (б) избежать ее.

... но как увидать опасность, если она скрыта? (Так в спектакле Смехова играют актеры СЛЕПУЮ ПРИРОДУ СУДЬБЫ, с легкостью бумажных персонажей, этих старинных, милых гравюр на желтых страницах кислотной бумаги). По каким внешним признакам определяем мы вид этой опасности? Да и если бы могли мы ее увидеть — некуда нам скрыться от ПРАВИТЕЛЬСТВА.

... в начале спектакля вбегает, спеша, Городничий (актер Джон Верман). От чего бежит он? Он обят прекрасным испугом, таким дофройдовским, дошекспировским, первобытным, животным испугом. Его УЧАСТЬ пришла и настигла его — а такой вид УЧАСТИ, мы верим, приходит только, чтобы раздавить и растоптать. Лишить всего, что есть у тебя в жизни.

Прикончить. Убрать. Прекратить. Пришел конец. Конец настал всему. Вот что играют актеры Спрингфилда; а нам-то уж это — куда как ЗНАКОМО.

... но храбрый и находчивый Городничий не сдается. Он — ВЫСШЕЕ в городе начальство, хоть и у него есть свое начальство, куда более высшее, перед которым держать ответ. Теперь же он — генерал на поле боя, рукой подать до Наполеона. Он должен мудро и осторожно строить планы. Он должен перехитрить ПРАВИТЕЛЬСТВО. Обмани богов, будешь жив (так в России). Один неверный шаг — и обрушится вся пирамида местной власти — чудесное строение, где Городничий балансирует на шпиле, что твой гимнаст.

... в таком шекспировском, ричардовском темпе летит представление, что играют актеры под управлением Смехова как смерч, как вальсирующий ураган. Они рассыпаются по укрытиям, пытаясь спасти свой мир, который вот-вот распадется на части; уже лежат по ветру с крыш и от сараев осколки и солома. Актеры (Клинт Оверст-

рит, Тейт Рассел, Майкл Сойер и Скотт Кокс) запечатлевают своих бутылочно-зеленых, земноводных героев-чиновников в тот самый момент, как метеорит ударяет в их тихое болото, и весь болотный газ готов взорваться...

... Хлестаков! В самом имени звучит удар хлыста, как свист, возвращающий в реальный мир. Но на деле, как параллельна нашей эта реальность! В крысиных, наполненных страхом глазах Городничего бедный чиновник превращается в полубога, казнь небесную, ангела мщения, что вот-вот превратит их всех в лес из соляных столпов. Но — говорит инстинкт — нельзя ли купить и настолько важное существо?... Оказывается, можно.

... дальнейшее известно. Вдруг проливается на них солнечный свет — и лучше не будет момента в их жизни. Счастливый чиновник, которому открываются горизонты, минуту или две будет катиться вверх по сказочным американским горам.

... ах, как он прекрасен, этот Иван Александрович — прямо ангел. Не удивительно, он ведь и прибыл из этого царства ангелов, Санкт-Петербурга [имеется в виду скорее сияющий воображаемый Город Святого Петра, чем холодная, темная северная столица, помещенная Петром Великим на широту Анкориджа, штат Аляска]. Как если бы тронули струну из Песни Песней Соломоновой, этот юноша с сияющим лицом и в сияющих одеждах определенно ЦАРСКОГО покрова извлекает одни и те же звуки из груди российских провинциальных чиновников всех стран, времен и исповеданий. Чад Рейнхарт соткан из счастливого солнечного света и радуги, из тех, что настали наконец после быстрой и громокипящей бури. Не удивительно, что он тут же покоряет сердца и дочери Городничего (актриса Эми Леоне), и его жены (Пинкси Монро), и все вместе они теряют головы в последующей сценической конфузии, где он, уже как бы автоматически, просит руки этой дочери. О, Господи, наконец-то на этот забытый Тобою город снизошло Твое благословение.

... и все, все персонажи скользят стремительно вслед за Хлестаковым, летя все глубже и дальше по американским горам своей мечты. Ах, не видали ли мы и этого и раньше, и теперь, на этом континенте? Не та ли это ВСЕОБЩАЯ АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА, 15 минут славы на КАЖДОГО? Или же наивная метафизическая мечта каждой живущей твари — оставить свой след, не исчезнуть с лица земли бесследно? Так Бобчинский (Тревис Эли) просьт Хлестакова: «Как поедете в Вашингтон [прости, моя ошибка:

у Гоголя сказано «в Петербург»], скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский». Это наконец-то пришел ИХ ШАНС быть замеченными, хоть чем-то стать в этом мире, а не сиамскими парами, с вечным рифмующимся партнером Добчинским (Тим Раирдон) рядом. Вот и настал он, главный момент их жизни...

... и Хлестаков уходит со сцены незамеченным — «на одну минуту только... на один день», говорит он и исчезает, вместе со своим разумным старым слугой (Марк Аршамбо). Режиссер намеренно не акцентирует этого ухода. Бесполезны попытки остановить исчезающий сон (однако, если повезет, его можно запомнить и записать; уж Гоголь-то это хорошо знал). Сны уходят без торжественных проводов; они испаряются в тот миг, когда мы еще видим их.

И тогда мы просыпаемся.

И, как в пьесе Гоголя, приходит действительный, финальный ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ИНСПЕКТОР, тот, кто увидит и подытожит все наши прегрешения и предрассудки... так есть ли это пробуждение в Реальном Мире, или же последний шаг в пропасть Смерти? Кто из них более жесток: горячий бред безумца или ужас пустой жизни? Конец Представления или Конец Игры?..

... вот что пришло мне на ум, пока я смотрел на сцену в этом ясном, последнем сентябре нашего несчастливо-го столетия в Спрингфилде, штат Миссури, в Соединенных Штатах Америки. (В то время как другой Иван Александрович или его эквивалент удалялся, возможно, на запад по шестьдесят четвертому шоссе в своей новой «Ауди», исчезая из нашего поля зрения золотую точкой далеко в Озаркских холмах).

Мы увидели прекрасное представление; мы увидели молодых актеров, на удивление искусно воплотивших старую историю; и мы увидели надежду.

Надежду на то, что настоящему Театру можно обучить, и с радостью обучиться, и что поэтому он не исчезнет бесследно.

Это называется ТРАДИЦИЯ; а она свойственна человеку.

С наилучшими пожеланиями, искренне твой

Виктор Фет».